

Литературные известия

№ 1 (211)

Январь 2023

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

Сегодня в
номере:

Новости

*

Штудии

*

Интервью

*

Литературное обозрение

*

Рецензии

*

Поэзия и проза

*

Литературный кроссворд

РЕКЛАМА

современная
писательская
организация,
идущая в ногу
со временем
и отвечающая
потребностям
творческих людей

**СТАНЬ
ПИСАТЕЛЕМ
СВОЕГО ВЕКА!**

www.writer21.ru
т. (495)-978-62-75

Реклама в газете

**«ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ИЗВЕСТИЯ»**

Вас прочтут
в 75 странах мира!
Мы ждем Ваших звонков
по тел.:

• (495) 978-62-75 •

НОВОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВУ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ» ИСПОЛНИЛОСЬ 20 ЛЕТ

Издательству «Вест-Консалтинг» исполнилось двадцать лет. Сегодня мы беседуем с основателем, генеральным директором и главным редактором этого крупного медиа-издательского холдинга, кандидатом филологических наук **Евгением Степановым**.

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ: «ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ!..»

— Евгений Викторович, издательство «Вест-Консалтинг» — многоуровневая и универсальная структура, работающая на книжно-журнально-газетном рынке 20 лет. «Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), трижды лауреат премии «Московский счет». Вы издаете 6 литературно-художественных журналов — «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Зинзивер», «Другие», «Зарубежные записки», «Персона ПЛЮС», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», книги современных авторов — более 100 наименований в год. А чем Вы гордитесь?

— Я горжусь, что за двадцать лет работы не нарушил ни одного договора и ни разу не задержал сотрудникам зарплату. Я горжусь, что у нас годами работают лучшие специалисты в своей отрасли — Ирина Ракитина, Максим Жуков, Андрей Глазов, Татьяна Завирюха, Марианна Марговская, Ольга Ефимова, Вера и Сергей Киулины и другие. Многие годы обзоры для изданий холдинга пишут замечательные поэты и критики Сергей Бирюков, Александр Балтин, Ольга Денисова... Все наши книги получили и получают хорошую прессу, поступают на прилавки магазинов — «Озон», «Читай-Город», «Москва», «Библио-Глобус», «Фаланстер», МДК, Петербургский Дом Книги и т.д. Также мы продаем книги в собственном магазине «Литлавка» (www.litlavka.ru). Мы проводим презентации книг наших авторов в ЦДЛ, в Литературной гостиной, делаем передачи о книгах для телеканала «Диалог», где ежедневно выходят новые программы, прежде всего, на литературные темы.

Издать книгу — дело нехитрое. Важно, какой будет резонанс. И мы стараемся сделать все от нас зависящее, чтобы книги наших авторов прозвучали во весь голос.

— Вы также издаете газету общественных организаций МИД РФ «Наша Смоленка: люди и дела»...

— В данном случае это, прежде всего, техническая работа. Мы верстаем газету, делаем корректуру, печатаем, размещаем электронную версию на портале «Читальный зал». Контент полностью предоставляет редакция, которая находится в МИДе, во главе с Александром Геннадиевичем Черновым. Я рад, что мы многие годы помогаем Министерству делать хорошую газету. Мы там, кстати, часто печатаем и стихи, и прозу дипломатов.

— Вы печатаете книги в собственной типографии, а также в других типографиях. Вы уже, наверное, и забыли — сколько книг Вы издали...

— Нет, я все помню. Мы издали более 2000 наименований книг. Наши авторы — Геннадий Айги, Сергей Арутюнов, Галина Куборская-Айги, Анна Альчук, Николай Архангельский, Рита Бальмина, Аркадий Бартов, Владимир Бояринов, Анатолий Безуглов, Юрий Беликов, Готфрид Бенн, Сергей Бирюков, Вера Вербина, Александр Вепрёв, Анна Ветлугина, Татьяна Виноградова, Виталий Владимиров, Вячеслав Воронков, Михаил Вяткин, Галина Гедрович, Ирина Горюнова, Алла Горчева, Татьяна Грауз, Борис Гринберг, Виктор Грушко, Андрей Гусев, Алексей Даен, Виталий Дмитриев, Макс Жакоб, Максим Замшев, Елена Ерофеева-Литвинская, Ольга Ефимова, Анастасия Ермакова, Сергей Зубарев, Константин Иванов, Сергей Ивкин, Галина Ицкович, Магомед Кадирбеков, Юрий Казарин, Татьяна Кайсарова, Алексей Караковский, Елена Кацуба, Константин Кедров, Александр Колобаев, Юрий Колодный, Александр Коновалов, Александр Кожемякин, Людмила Колодяжная, Любовь Красавина, Нина Краснова, Сергей Кромин, Ирина Кронгауз, Елена Крыжановская, Александра Крючкова, Борис Кутенков, Максим Лаврентьев, Слава Лён, Наталия Лихтенфельд, Вилли Мельников, Надежда Мещерякова, Юрий Милорава, Арсен

Мирзаев, Пьер Мишон, Сергей Мнацаканян, Евгений Морозов, Антон Нечаев, Елена Павлова, Игорь Панин, Жан-Клод Пенсон, Олег Пилипенко, Сергей Попов, Владимир Поляков, Викентий Пухов, Снежана Ра, Наталья Рожкова, Татьяна Романова-Настина, Павел Рыков, Алексей Самойлов, Серж Смоляков, Владимир Солоненко, Виктор Соснора, Анастасия Степанова, Людмила Строганова, Сергей Стукало, Ольга Татарина, Александр Тимофеевский, Александр Ткаченко, Елена Ткачевская, Леся Тышковская, Вальтер Тюмлер, Борис Устименко, Надежда Ушакова, Александр Файн, Наталья Фатеева, Александр Федулов, Олег Филипенко, Евгений В. Харитонов, Александр Четверкин, Дмитрий Цесельчук, Элана, Ия Эско, Алексей Юрьев, Семён Резник, Лев Бердников, Лариса Федотова, Юрий Окунов и многие-многие другие. Всех сейчас даже и не перечислишь — список есть на сайте издательства. Многие из этих авторов теперь очень известные. И мы продолжаем работу. Выпускаем новые книги. Работы сейчас много, как никогда.

Окончание на стр. 5

АЛЕКСАНДРА КРЮЧКОВА ИМЕЕТ ШАНСЫ ПОЛУЧИТЬ НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ ЗА КНИГИ ПРОЗЫ

Союз писателей XXI века выдвинул в декабре 2022 года прозаика и поэтессу **Александру Крючкову** на Нобелевскую премию. Документы отправлены в Нобелевский комитет. Интересный факт: теплые слова о творчестве Александры Крючковой говорил несколько лет назад знаменитый поэт **Евгений Рейн**, которого нобелевский лауреат **Иосиф Бродский** называл своим учителем. Что ж, будем надеяться на успех нашей соотечественницы.

Наша справка:
Александра Крючкова — российский поэт и писатель-мистик, Заслуженный писатель Московской городской организации Союза писателей России, лауреат международных премий в области литературы, государственный стипендиат в категории «выдающиеся деятели культуры и искусства РФ», внесена в Обще-

российский дворянский список Императорского Дома Романовых.

Член Союза писателей России (с 2009), Союз литераторов России (2010–2013), Российского авторского общества, Союза писателей XXI века (с 2011), Международной гильдии писателей (Германия, 2011–2015), Международной Ассоциации Граждан Искусства «М.А.Г.И.» (Испания,

с 2009), регионального общественно-го Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч» (с 2007), Открытого Литературного Клуба «Отклик» (с 2008) и др.

Автор многочисленных книг. Живет в Москве.

Сергей КИУЛИН

ШТУДИИ

ВЕНЕЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРЫ КРЮЧКОВОЙ

Книга известной московской поэтессы **Александры Крючковой** «Москва — Санкт-Петербург, а далее — везде» включает в себя множество интересных стихотворений, достойных внимания, однако, на мой взгляд, особо следует отметить стихи о Венеции из цикла «Сказка Странствий».

Венеция — один из любимых городов Александры Крючковой, о чем она говорила на страницах своих романов из серии «Игра в Иную Реальность», в частности, Венеция является практически самостоятельным персонажем в романе «Ангел-Хранитель», в который включены и стихи о Венеции. Александра неоднократно бывала в Венеции — и в командировках по работе, и с творческими выступлениями.

«— Я только что оттуда из командировки, — продолжая разглядывать картины, вздыхаю я. — Мой самый любимый город. Я часто езжу в Венецию. И по работе. И сама по себе. В этом городе есть нечто магическое, что заставляет меня возвращаться».

(А. Крючкова, роман «Ангел-Хранитель», ч. 2. «Ловушка снов», глава 4. «Девочка и Волк»)

Важнейшая для автора поездка, описанная в романе «Ангел-Хранитель», состоялась в марте 2012 года — это была выездная экскурсия из миланской Школы Букеровских Лауреатов, где Александра проходила семинар по курсу поэзии у Евгения Рейна (друга Иосифа Бродского). Вместе с Евгением Борисовичем Рейном семинаристы посетили и могилу И. А. Бродского на кладбище Сан-Микеле. (Б. Б. Михин, «Ангелы и звезды: М. Цветаева, Е. Рейн и А. Крючкова», «Зарубежные записки» № 1 (27), 2022)

«Вокруг меня — надгробия. Я подхожу к одному из них и читаю: «Иосиф Бродский»... Как я оказалась в Венеции? Что я здесь делаю? Наверное, я — во сне?... Издалека доносятся чьи-то голоса, они зовут меня — я догоняю их и... вдруг с радостью вспоминаю: я же здесь с группой писателей и поэтов, на семинарах Евгения Борисовича Рейна и Виктора Ерофеева! Ко мне подходит поэт и историк Дмитрий Немельштейн:

— Сашунь, не грусти! У тебя все получится!

Я не сплю! Да! Точно! Он назвал меня моим земным именем! Мы приехали сюда на экскурсию по местам Бродского! Память возвращается, я постепенно вспоминаю, как мы выехали из Милана на автобусе, как добрались до причала Сан-Марко, а потом на катере — до острова-кладбища Сан-Микеле».

(А. Крючкова, роман «Ангел-Хранитель», ч. 3. «Семь секунд», глава 3. «Лабиринт подсознания»)

У итальянцев есть примета — в Венецию нельзя приезжать с любимым человеком, в противном случае после поездки вы по той или иной причине расстанетесь.

«— В Венецию надо ехать с любимым человеком!

— Я тоже так думала. Но итальянец, директор фабрики, с которым мы общаемся по работе, сказал, что Венеция считается в Италии несчастливой городом для влюбленных, приносящим вечную разлуку. Он привел примеры из собственной жизни и жизни его друзей, когда после поездки расторгались помолвки, а одна девушка вообще умерла!

— Наверное, Венеция поэту и плачет!»

(А. Крючкова, роман «Ангел-Хранитель», ч. 2. «Ловушка снов», глава 4. «Девочка и Волк»)

Возможно, именно поэтому Венеция предстает в стихах Крючковой — городом призраков, а в прозе — «театральной сценой с картонными декорациями», где даже «Луна на Небе — картонная», да и отражается она в «картонной воде».

«Венеция — мистический город, поездка в который вместе с любимым человеком, по преданию итальянцев, грозит вечной разлукой, предстает в романе зловещим черным городом, оплакивающим призраков. Сильное впечатление производит описание автором картонной Луны в небе и ее картонное же отражение в картонной (!) воде — как погружение в сумасшествие в тот момент, когда ты сам переживаешь чувства главной героини и осознаешь смещение граней в собственной голове».

(Т. Трубникова о романе А. Крючковой «Ангел-Хранитель»: «Ангелы-Хранители существуют», газета «Литературные известия» № 11–12 (197–198), 2021)

«— Что это? — невольно вырывается у меня.

— Я рисую, — смущенно произносит композитор.

На полках у окна — картины. Их много. На них на всех — черный город. Черные дома. Маленькие слепые окна. Серый туман. Полная Луна... Это город, который до боли мне знаком. Мой любимый город. Город-на-Воде. Но на картинах он выглядит совершенно «картонным», как декорации на сцене... Искусственным... Пугающим... Зловещим...

— А ты был в Венеции?! — удивляюсь я.

— Нет, никогда...

— А почему она черная?

— Может быть, она... плачет?»

(А. Крючкова, роман «Ангел-Хранитель», часть 2. «Ловушка снов», глава 4. «Девочка и Волк»)

Фактически, и стихи, и центральная часть романа «Ангел-Хранитель», «Ловушка снов», связаны с таинственным сном автора о собственных похоронах в Венеции, который описан и в романе, и в стихотворении «Химера».

«— Мне снился странный сон где-то год назад. Как меня хоронят в Венеции. Я совсем забыла, но вспомнила, когда недавно, во время последней командировки, гуляла по Сан-Марко. Я подошла к пристани и увидела лодку, которая отчаливала от берега. Прямо как в том сне...

— Так тебя похоронят в Венеции?!

— Не знаю... Было раннее утро. Похоже, весна. И туманная дымка. В лодке находилось всего два человека — сам лодочник и Человек в Черном. С седыми, практически белыми, волосами... Они везли мое тело. Или прах. Не знаю, мне было страшно заглянуть внутрь лодки. Они ехали на противоположный остров. Я даже не знаю, что это за остров. Я на нем никогда не бывала.

— Ну и КТО ОН, твой Черный Человек?

— Не знаю...

(А. Крючкова, роман «Ангел-Хранитель», часть 2. «Ловушка снов», глава 4. «Девочка и Волк»)

И вот растущая Луна, символ Подсознания, достигает «картонной» кульминации в Венеции:

«Мы причаливаем к Сан-Марко ночью. Человек в Черном привез меня в мой любимый Город-на-Воде, но теперь, ступая на площадь, я вижу его ИНАЧЕ — Черным Зловещим Городом, утопленным в крошечной Тьме, целиком и полностью... картонным, как декорации на театральной сцене!

Весь земной мир — огромная театральная сцена, на которой люди играют в спектаклях для... призраков. Облаченные в костюмы земных тел, они «живут» на сцене в окружении картонных декораций, которые могут быть мгновенно разрушены Тем, кто постоянно прописывает в Скрижалях сюжетные нити пьес их судеб. Эти странные существа — люди — настолько зачарованы магической иллюзией сменяющихся декораций, что лишь Смерть в состоянии сорвать венецианские маски, сросшиеся с их лицами.

Я — на Сан-Марко... пытаюсь отыскать в крошечной темноте хоть один фонарик, но тщетно — Город обесточен, я не вижу в нем света. Вокруг меня — только черные мертвые дома. Здесь все — ненастоящее. Картонное! Пугающее!! Зловещее!!!

И я бегу прочь в длинном платье, сотканном Туманом, вдаль, по мостикам, пытаюсь найти Реку, уносящую души в небо. Бегу, задыхаясь, вдоль декораций черных картонных домов, в окнах которых не горит свет <...> Наконец-то! Я нахожу точку перехода — добираюсь до места, где нет мостика, но есть ступеньки, уходящие в воду, и аналогичные ступеньки выходят из воды уже с противоположной стороны. Перепрыгнуть на ту сторону не получится. Там — Зазеркалье,

в нем отражается все, что находится здесь. Жаль, никто не видит то, ЧТО я вижу, и КАК я теперь вижу земной мир — он стал картонным, черным, зловещим монстром!

Я сажусь на ступеньки, ведущие в воду, — жду родителей, которые вот-вот придут за мной, — и смотрю в черное небо, где висит огромная Луна. Но и она тоже... картонная!!! Я перевожу взгляд вниз, на ее отражение — надо же! — кто-то вырезал картонную копию небесной Луны и положил ее на такую же картонную (!!!) воду...

Из Зазеркалья появляются родители. Они подходят к ступенькам с той стороны Реки. Но внезапно с этой стороны, за моей спиной, раздаются гулкие шаги — Человек в Черном бережно берет меня на руки, как маленькую девочку, и уносит прочь.

Сан-Марко. Утро. Солнце. Площадь постепенно оживает, наводняется людьми. Я стою у колонны недалеко от Собора, вижу море и остров Святого Георгия напротив. Я — в белом платье. Игрет веселая музыка. И я постепенно начинаю видеть Венецию такой же, какой видела ее раньше. Но... как я здесь оказалась? И что я тут делаю?

Рядом со мной — призраки: мои друзья из Библиотеки Вселенной и родители.

Человек в Черном улыбается и приглашает потанцевать с ним прямо на площади. Призраки окружают нас. Их никто не видит, кроме меня. Жаль. А я теперь вижу призраков даже днем. Гораздо отчетливей, чем все, что видят обычные люди. И призраки шепчут: «Алиса, ну улыбнись же! Потанцуй, ну, пожалуйста! Ты же так этого хотела! Он нужен тебе!»

И я понимаю, что сегодня у меня — венчание, поэтому я — в белом платье. Но из гостей будет только мои призраки. И я танцую на Сан-Марко с Человеком в Черном. Призраки подхватывают голубей и подбрасывают их на нас, заставляя меня улыбаться...

Внезапно память возвращается полностью, я вспоминаю, как рухнул мой мир, и отчаянье захлестывает меня... Все снова — картонное, ненастоящее, зловещее! Этот город похож на тюрьму! И я решаю выбраться наружу...

(А. Крючкова, роман «Ангел-Хранитель», ч. 3. «Семь секунд», глава 7. «Картонная Луна»)

Конфликт Любви и Смерти, присущий прозе Крючковой, проявляется и в поэтическом цикле о Венеции, магическое притяжение которой не только пленит самого автора, но и завораживает читателя.

С одной стороны, Венеция, цитируя Александру Крючкову, — это «ловушка», «лабиринт», «апокриф поэта», «сон», «химера», «плохая примета», «дом трагедий», «последний приют», «музыка дождей, теней и птиц», «служит зловещей звездой», «мосты, ведущие к беде».

Само название города многозначно, хотя, кроме того, что оно связано с племенем венетов, по имени которого область получила у римлян название «Венеция» (лат. Venetia), других официальных значений нет. Но фантазия поэта безгранична, Венеция вызывает у Александры разные ассоциации: это и венок Офелии из «Гамлета» Шекспира с неоднозначными по значению цветами, символизирующими несчастную любовь; и сама планета Венера — планета любви с ее двумя образами: Люцифер «Утренняя звезда» и Геспер «Вечерняя звезда». И, возможно, у кого-то «Венеция» вызывает другие ассоциации.

И все же — «муранское стекло лилось во мне симфонией нюансов», «мои мосты не видели нас вместе», «храни ее (Венецию), как ниточку меж нами», «нарисуй мне... Кофейню, фонарик во фраке сквозь годы искрящийся в надежде что счастье коснется нас прежде чем сердце утонет во мраке...»

Любовь побеждает — автор уверен в своем возвращении: «Вернемся на ощупь в тот город, где песни поются воде, — смеяться над звонким червонцем, танцую средь масок и лиц, светиться с мостами под солнцем...»; «Влетим в портал! Да здравствует побег! Туда, где жизнь ласкается волнами... Дарю — тебе! — Венецию — навек! — Храни ее, как ниточку меж нами...»; «Марк спит, по-прежнему не зная, что я — сквозь сны — вернусь — заложница земная Его весны...»

Несмотря на грусть, которая звучит во всем «венецианском» цикле Александры, главный лейтмотив остается все-таки жизнеутверждающим: «Венеция — разлучна, но призраком в рассвет засветится беззвучно улыбочивый привет...»

Но стихи лучше читать самому. Итак, Венеция Александры Крючковой...

Ларуса КУЗЬМИНСКАЯ,
поэт, член Союза писателей России,
руководитель направления по сотрудничеству
с регионами России и зарубежными странами
Общественного Движения «ПОЭТЫ МОСКВЫ»

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСАНДРА КРЮЧКОВА
ВЕНЕЦИАНСКИЕ СТИХИ

Александра Крючкова — российский поэт и писатель-мистик, Заслуженный писатель Московской городской организации Союза писателей России, лауреат международных премий в области литературы, государственный стипендиат в категории «выдающиеся деятели культуры и искусства РФ», внесена в Общероссийский дворянский список Императорского Дома Романовых. Член Союза писателей России (с 2009), Союз литераторов России (2010–2013), Российского авторского общества, Союза писателей XXI века (с 2011), Международной гильдии писателей (Германия, 2011–2015), Международной Ассоциации Граждан Искусства «М.А.Г.И.» (Испания, с 2009), регионального общественного Фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч» (с 2007), Открытого Литературного Клуба «ОтклиК» (с 2008) и др. Автор многочисленных книг. Живет в Москве.

НАРИСУЙ МНЕ ВЕНЕЦИЮ

Напишешь картину невесте? —
Тот город — апокриф поэта,
Влюбленных плохая примета —
Не стоит встречаться в нем вместе;

Ловушки и петли из улиц,
Ведущих к ступенькам под воду,
Где даже в плохую погоду
Причалы похожи на улей;

Кофейню, фонарик во фраке,
Сквозь годы искрящийся в надежде,
Что счастье коснется нас прежде,
Чем сердце утонет во мраке;

Гондолу, в которой, танцую
С мостами старинных предместий,
Посланный трагичных известий
Погубит, беззвучно целую...

Рисуй же, как сброшу одежды
Последним из кадров в романе,
Где призрак мелькает в тумане
И гаснет фонарик надежды...

МОСТЫ-ВОДА-МОСТЫ

Экзаменом Души — сомнительно проста,
Приснилась мне тоска утопленных монет...
Плененная водой у сонного моста,
Предчувствую, как встарь, что в зеркале мест нет...

В молчании воды — циклический виток:
Пришедшая за мной по сверенным часам,
Тьма бросилась на День, безжалостен итог:
И враг тебе, и друг — не кто-нибудь — ты сам...

Туманности пленят — фантазия влекла:
И траурный наряд танцующих в воде,
И хрупкости красот муранского стекла
Приветствуют мосты, ведущие к беде!

Трагедии не спят, Венеция — их дом,
Причала Луна осматривать посты...
В сознании — капкан, осознанный с трудом, —
Последний мой приют — мосты — вода — мосты...

ХИМЕРА

Сан-Марко вычурно молчал —
Виденье в комнату влетело:
Мужчина, мостики, причал,
Я — в лодке, разве что вне тела...

Не будет третьего лица, —
В наследство — призраки из книжки:
Поэты — искорки Творца,
На Землю посланы для вспышки...

На волнах дремлющий Морфей
Разбужен всплесками от весел...
Мне снилось множество морей,
Но сколько минуло мне весен?..

Сан-Марко движется в туман,
Все дальше — мостики и крыши,
«Земное — вкрадчивый обман!
Мужчина, слышите?!» — не слышит...

Прозренья светлая печаль
Утешит истиной Гомера:
Для духа смертная печать —
Всего лишь жалкая химера!

«Жива я! Слышите? Жива!»
Беззвучен голос мой, проклятье!
Все дальше — праздная молва,
Все ближе — Вечности объятье...

Та урна спрячется в плюще...
Но кто Он? — встретиться б хотела
С Мужчиной в Черненьком плаще,
Скорбящим в лодочке у тела...

ЗАВЕЩАНИЕ

Когда плыву сквозь музыку дождей,
Теней и птиц у мостиков старинных,
Смотрю в глаза потерянных людей —
Бредут на смерть вдоль улочек картинных.

А ты влюблен в готический рассвет,
В нем боль Души, растерзанной стаккато,
Подаст намек на правильный ответ,
Сломав часы последнего заката...

Мой сон — не прост: муранское стекло
Лилось во мне симфонией нюансов,
Собор молчал, но таинство влекло
В финал судьбы сомнительных романсов...

Пусть ночь хрупка, и лодочник кричал:
«Вода несет трагедию невесте!»,
Еще в туман не спрятался причал,
Мои мосты не видели нас вместе!

Влетим в портал! Да здравствует побег!
Туда, где жизнь ласкается волнами...
Дарю — тебе! — Венецию — навек! —
Храни ее, как ниточку меж нами...

НЕ ПОВОД

Для Бога — примета — не повод
Поверить разлучной беде! —
Вернемся на ошупь в тот город,
Где песни поются воде, —

Смеяться над звонким червонцем,
Танцую средь масок и лиц,
Светиться с мостами под солнцем,
Равняясь на духов и птиц.

Поправим в альбоме стоп-кадры?
Нас вспомнят Сан-Марко и львы —
Пусть в небе искрятся петарды
Названьем счастливой главы...

НЕБЫВШЕЕ ПРОЩАНИЕ

Венеции — потери,
Но в памяти — с тобой
Сквозь древности и двери —
На праздники и в бой...

Венеция — разлучна,
Но призраком в рассвет
Засветится беззвучно
Улыбчивый привет...

У сонного причала
С прощанием в горсти
Венеция молчала,
Не верила — прости...

Фотография с сайта бесплатных изображений freerik.com

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСАНДРА КРЮЧКОВА
ВЕНЕЦИАНСКИЕ СТИХИ

Окончание. Начало на стр. 3

ДО ТРЕХ

— Зажгите здесь свечи! —

одна я — в Той Башне,
где окна — с решеткой,
а месяц — вчерашний,
в котором — как плеткой —
словами для гласности —
согнули дугой,
— я — изгой!
тень — в опасности!

домой же не тянет —
там тесно!

из клетки
бежали по стенам
скупые заметки
не ручкой, а красным
— на белом —
чернилами:
«Не ты ли
писала
в тетрадках
да вилами?!»

— Их — два! —

самых светских,
крылатых —
два льва,
площадь Марка Святого
хохочет: — На львицу
похожа едва! —
я же чую, как скоро
вернемся в столицу,
мир вздрогнет —
проснется
и в танце из листьев
вскружится,
взорвется
на «Вы»!
сонный поезд
несется,
несется,
несется
к центру
новой
главы —

прямо в Ад...
Лев не рад?..

так тоже бывает —
немало дурех!..
кому-то — журавлик,

кому-то — синица,
мне — Жрица, как прежде,
под утро приснится,
а в Небе
считают
до трех:
вдох —
вздых —
Бог...

Он вечно играет,
играет с живыми,
Он колет нас в сердце
углами кривыми
и нити из судеб
прядет...

— Расправьте мне плечи! —
кричала, страдая, —
летела на свечи...
Он жаждет, гадая,
когда же душа,
словно старец седая,
из тела
навечно
уйдет...

САН-МАРКО СПИТ

Давно последствия зачаты —
Махнув рукой
На смерть, проклятия и чаты —
Текут рекой,

Жду трап — исхожены все тропы! —
Сквозь дождь — в буран,
Штурмуй — мной взятые Европы,
А мне — Уран!

Ступай! — орбитами планеты,
А я — вне карт!
Февраль разменивал монеты,
Кивал на март...

Марк спит, по-прежнему не зная,
Что я — сквозь сны —
Вернусь — заложница земная
Его весны...

ЛЕКАРЬ

Венеция — в венце,
Погибельно-тонка...
В готическом Дворце
От Вашего звонка

Ни радости, ни слез,
Не вздрогнула душа, —
Я вылечусь от грез,
Венецией дыша...

ЗАОЧНО

Вспомнишь — веками спустя,
впрочем, и смерти — пустяк,
в карму — прощенья пятак
небрежно...
Нежность погубит стрелка,
слезы смахнутся в шелка,
сердцем — предельно легка,
безбрежна...

Город на мутной воде
служит зловещей звезде,
лодки причалят к беде —
за нами...
Чувство раскрасит холсты,
вздрогнут и рухнут мосты,
новость разбудит посты —
цунами...

Крылья напали на след —
куплен обратный билет
болью, сведенной на нет,
досрочно...
Землю дождями кроплю,
ласку для встречи коплю,
даже сильнее люблю
заочно...

СЛОЖЕННЫЙ ПАСЬЯНС

мелькают вспышками портреты,
читаю сложенный пасьянс:
вступают дерзкие поэты
со Смертью в пафосный альянс...

эспрессо сладостен мечтами,
Сан-Марко слушает прибой, —
здесь волны шепчутся с мостами,
а прах мой ищется тобой...

ИЗ НАВИ В ЯВЬ

Тот день на блюдечке принес
Под звоны хрупкого бокала
Мечты, желанные всерьез, —
Сбывались с точностью лекала!

Теперь мятежная душа,
С улыбкой ангельски-беспечной
Стихи небесные верша,
Не жаждет станции конечной:

Смешно в обители земной
Смотреть на памятник сиротский, —
Вот-вот и встретятся со мной
Стравинский, Дягилев и Бродский.

Фото автора.

МЕМОАРЫ

ЭМИЛЬ СОКОЛЬСКИЙ КАК ВЕДУЩИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК ПОКОЛЕНИЯ

Когда в конце прошлого года в Центральном Доме литераторов в Москве проходила презентация альманаха «День поэзии», то в кулуарах мы разговорились с одним из его авторов, довольно известным литературным критиком. Он, зная, что я из Ростова-на-Дону, просил непременно передать при личной встрече привет **Эмилю Сокольскому**. Увы, этому не случилось быть.

Мы с Эмилем разминувшись — в последних числах декабря его уже не было в Донской публичной библиотеке (ДГПБ), где как раз проходило торжество по случаю вручения различных наград работникам культуры Ростовской области, в том числе и вашему покорному слуге как победителю литературного конкурса в честь А. В. Калинина, автора знаменитого «Цыгана».

Обычно при каждом посещении ДГПБ мы встречались с Эмилем Сокольским и по поводу, и без оного, чтобы хотя бы просто обменяться новостями. Так и вижу его в отделе краеведения — быстро в движениях, улыбчивого, много начитанного и знающего толк в хороших книгах, весьма сведущего в современном литературном процессе.

Эмиль, вероятно, уже был в очередном отъезде — давно собирался на Вологодчину, на Русский Север, где глубокие снега, деревни да храмы, лесные красоты... Я еще тогда подумал: увидимся в новом году.

Не стало же Виктора Храмова, избравшего себе литературный псевдоним — Эмиль Сокольский, как раз на новый 2022-й год там, в заснеженном краю, вдалеке от Ростова, от донских мест, которые, кстати, он также изъездил, бывая в самых разных уголках области и описывая свои поездки в многочисленных публикациях. А псевдоним, по словам Виктора, появился у него в память об одном замечательном музыканте, что стал для него дорог и близок как душевно щедрый человек.

Храмову исполнилось 57 лет, но всем окружающим да и ему самому такой возраст не казался располагающим к более спокойному восприятию действительности, чем по молодости. Виктор никак не менялся с годами, был творчески неисчерпаем. Коренной ростовчанин, образовывался на геолого-географическом факультете Ростовского университета. Работу в отделе краеведения Донской государственной публичной библиотеки выбрал раз и на всю жизнь.

Круг интересов был обширен — музыка, история, живопись, православие... В свое время вел на радио цикл музыкальных передач. Как сотрудник отдела краеведения расширял свои профессиональные знания, и это нашло отражение в разнообразном творчестве. Виктор Храмов — автор ряда серьезных и в то же время лирично написанных работ как очеркового плана, так и в книжном формате. Желаящие легко могут с ними ознакомиться, зайдя на сайт ДГПБ.

Я же поделюсь своим восприятием того, что успел сделать в литературе Эмиль Сокольский. А успел он без преувеличения немало, в первую очередь, даже количественно. Существует целый массив им написанного и опубликованного: статьи, эссе, рецензии о современных отечественных авторах. С его уходом многое потеряно.

Мне как главному редактору журнала «Дон» Эмиль Сокольский стал известен по публикации, кажется, в газете «Литературная Россия», в подписи обратило внимание указание на Ростов. Я разыскал Эмиля, и вскоре он стал сотрудничать с нашей редакцией, тем не менее не оставляя основную работу в библиотеке.

Время — как и всегда за последние три десятка лет — для журнала было непростое. Требовалось выживать. Перед этим прежний главред, а следом и те, кто не столько любил

журнал «Дон», сколько себя в нем, оставили редакцию, посчитав Фадеевское и Шолоховское издание тонущим кораблем. Я же вот держу в руках один из номеров за 2004 год, где в выходных данных литературным редактором указан Виктор Храмов.

Новоиспеченный сотрудник без отрыва от работы в библиотеке, жертвуя свободным временем, редактировал и готовил к печати рукописи, предлагал новых авторов, благо у него уже были налажены определенные связи в этом смысле, публиковал на донских страницах и свои материалы. В дальнейшем, когда Виктор полностью сосредоточился на соцсетях, куда стала переходить литературная жизнь, журнальный опыт, конечно, ему пригодился. При этом единственным местом постоянной работы был отдел краеведения.

Главное, что Виктор Храмов уже как Эмиль Сокольский смог определить для себя уровень «творений» возрастающего числа местных писателей при членских билетах союзов писателей и сравнить его с книгами тех, кто по настоящему талантлив и известен не в пределах надуманных организаций. Это было не просто. Его пытались привлечь на свою сторону дельцы от литературы, знали, что он может по-редакторски привести их поделки хотя бы в божеский вид.

Случалось всякое. Однажды его упростили быть редактором затейной теми самыми членами СП газеты, издаваемой дотоле хуже некуда. Хватало и ляпов, и ошибок, и опечаток. Дело до суда доходило. А что получилось — очередной номер за подписью нового редактора вышел, но те, кому надо, изготовили его по-старому, то бишь тят-ляп. Эмиль Сокольский понял, куда его втянули. Ушел. Но зато отвел душу, написав и напечатав хлесткий разбор графоманских опусов так называемых писателей.

Хочу сказать, что Эмиль способен был увлечься и порой отойти от истины. Только единожды после ухода из «Дона» он попробовал печатно засомневаться в качестве журнальных публикаций. И мне пришлось также печатно ответить ему. На этом инцидент был исчерпан. Вот подход к своему творчеству честного и талантливого человека!

Счастье Эмиля Сокольского, что, не связывая себя в дальнейшем с теми, кто в силу обстоятельств вершит литературный процесс на низовом уровне, он вышел на Москву, стал членом Союза писателей XXI века, где обрел крылья. Несть числа его публикации: журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Аврора», «Музыкальная жизнь», «Театральная жизнь», «Берегиня дома твоего», «Встреча», «Московский журнал», «Наша улица», «Подъем», «Слово», «Дон», «Плавучий мост», «Научная мысль Кавказа», «Prosodia»; альманахи «Отечество», «Донской временник» и «Эолова арфа»; газеты «Литературная Россия», «Литературные известия», «Независимая газета»... Он автор ряда талантливо написанных книг, под его редакторством многие годы выходил «Донской временник» — своеобразная летопись культуры Дона.

Прощальное слово от московского СП XXI века опубликовала «Независимая газета». А его коллеги по Союзу известные писатели Евгений Степанов и Нина Краснова в газете «Поэтоград» не скрывали горечи: «...Он столько всего написал, что читать не перечитать и нам, и нашим потомкам. Светлая память!..».

...И хотел бы завершить тем, что ношу в себе.

Мы только познакомились, и Виктор поразил меня тем, что прилюдно читая на память любимые стихи разных поэтов, например, Юрия Кузнецова, вдруг процитировал и мои строки из ростовской книги «Летучая метка». Это миниатюрное

издание разошлось много лет тому назад. Откуда оно у него было? Я не знаю.

А уже сравнительно недавно, когда у меня вышла в издательстве журнала «Юность» книга «Твердь», Виктор узнал об этом и попросил подарить ее. Я принес ему это издание в библиотеку, он еще настоял на автографе, и мы беседовали, конечно, о литературе, помню, договорились, что он делает что-либо для журнала...

Через некоторое время Эмиль Сокольский сообщил о публикации своей рецензии на «Твердь» в журнале «Дети Ра». Мне дороги его слова оттуда: «В стихах Виктора Петрова — вечный непокой, прерывистое дыхание, заклинания, мольба... — и странное дело: при таком душевном напряжении у них твердая, уверенная поступь. Случай, когда поэт не соглашается на стихотворческую игру, не прибегает к иронии, не демонстрирует холодноватую отстраненность взгляда, не моделирует "лирического героя"... он — сам все то, о ком и о чем пишет».

Позволил себе эту цитату, предполагая не столько имярек, а создание автором в целом образа пишущего. Поэта ли, прозаика, критика... И в данном случае он проговаривал сокровенное, заветное. Ведь, по сути, Эмиль Сокольский в своих произведениях и есть «сам все то, о ком и о чем пишет». Он там присутствует.

Виктор ПЕТРОВ,
поэт, главный редактор журнала «Дон»,
г. Ростов-на-Дону

НОВОСТИ

Окончание. Начало на стр. 1

— Особый вид деятельности издательства — создание WEB-сайтов писателям.

Вы создали портал «Читальный зал», сайт премии «Поэт», сайт Союза писателей Москвы, сайт журнала «Знамя», сайты поэтам Олегу Чухонцеву, Олесе Николаевой, Инне Лиснянской, Сергею Гандлевскому, Тимуру Кибирову, Александру Кушнеру, Виктору Сосноре, Евгению Рейну, Евгению Евтушенко, Владимиру Бояринову, Максиму Замшеву и многим другим.

— Да, это важная часть работы. В общей сложности создано более 700 сайтов и WEB-страниц. Кроме того, на портале

«Читальный зал» мы размещаем электронные книги писателей. Это огромная, массовая аудитория.

— О чем Вы сожалеете?

— Я испытываю боль, что до этого дня не дожили прекрасные люди, которые создавали со мной издательство «Вест-Консалтинг», — незабвенные Наталия Лихтенфельд, Владимир Шпаков, Эмиль Сокольский, Виктор Степанов, Любовь Красавина, Евгений Реутов. Вечная и светлая им память! Они в наших сердцах навсегда.

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ: «ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ!..»

— Вы и сами много пишете и печатаетесь. Я постоянно читаю Ваши стихи, статьи, рассказы и даже романы в известных толстых литературных журналах. А что для Вас важнее — издательское дело или собственное творчество?

— Важно и то, и другое. Для меня это единый процесс. Это моя жизнь.

Беседу вел Сергей КИУЛИН

КОРОТКАЯ ПРОЗА

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ГОТОВЯЩЕЙСЯ КНИГИ «ПУНКТИР»

МИНИАТЮРЫ

БЕРЛИНСКОЕ МЕТРО

Черно-белые люди в желтом берлинском метро едут куда-то и едут. Лишь бы не на войну.

2020

СОВЕТСКИЕ ПРЕКРАСНЫЕ КОПЕЕЧКИ

За две копейки можно было позвонить. За три копейки — выпить маленькую кружечку кваса или стакан газировки (с сиропом). За три копейки также можно было купить маленькую булочку, что мы, юные московские спортсмены общества «Крылья советов», и делали, когда возвращались домой с тренировок по хоккею или футболу. Четыре копейки стоил проезд в трамвае или троллейбусе, пять копеек — в метро. За семь копеек можно было купить вкуснейшее — кисленькое! — фруктовое мороженое в бумажном стаканчике, за девять — молочное мороженое (брикет), за тринадцать — сливочный брикет, за пятнадцать — крем-брюле, за двадцать две — роскошное ленинградское эскимо, за двадцать восемь — буржуйскую сладчайшую «Лакомку». Пятьдесят копеек стоила бутылка подсолнечного масла. Рубль — это было целое состояние.

...Кстати, советские копеечки и сейчас высоко ценятся среди нумизматов. Это и сейчас деньги.

2019

НОЧЬЮ

Одинокой ночью сердце стучит, как старенькие ходики.

2018

ШТИРЛИЦ. СЕМЁНОВ. ДУБЕНСКИЙ

Штирлиц. Часто думаю об этом кинематографическом персонаже.

Вроде бы, он перехитрил все спецслужбы Третьего рейха, оказался победителем в совершенно неравной битве. Он один, против него система. За счет чего была возможна эта победа — фильм не объясняет. Штирлиц нелюдим, он не галантный кавалер, влюбленной в него Габи Набель (С. Светличная) отвечает (довольно грубо!) отказом, команд, агентурной сети у него нет.

В чем же его, Штирлица, гениальность? Ну да, он говорит по-французски, умеет писать левой рукой, играет на пианино, он чемпион Берлина по теннису. Ну и что?

Где здесь чудеса интеллекта?

Самое провальное, на мой взгляд, то, что Штирлиц совершенно не умеет говорить с людьми. Его манера всегда вставлять в речь вопрос «Нет»? недопустима.

Евгений Степанов — прозаик, эссеист, поэт. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Рассказы, повести, эссе и романы печатались в журналах «Звезда», «Нева», «Знамя», «Наш современник», «День и Ночь», «Крестьянник», «Литературный Азербайджан», «Нижний Новгород», «Зинзивер», «Дети Ра», «Футурум АРТ», в «Литературной газете», газете «Континент» (Чикаго), в коллективном сборнике издательства «Эксмо». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Автор нескольких книг. Живет в поселке Быково (Московская область).

Если ты задаешь такой вопрос, в котором читается неуверенность, собеседник тебе и скажет «нет». Человек, который работает с людьми (будь то разведчик или предприниматель), лишний раз задумываться оппоненту (или клиенту) давать не должен. Если у человека будет альтернатива, он может выбрать не тот вариант, который тебе нужен.

Шпионы (разведчики), конечно, совсем другие. Общительные, улыбчивые, имеющие множество контактов (иначе как собрать нужную информацию?!). Я видел некоторых из них, все-таки я учился в институте в Женеве, а этот городок всегда считался центром мирового шпионажа. Могу сказать точно: нелюдимый и молчаливый Штирлиц засыпался бы очень быстро.

...В свое время, в молодости, я работал специальным корреспондентом в газете «Совершенно секретно» под началом Юлиана Семёновича Семёнова, которого злые языки называли генералом КГБ. Я думаю, что Семёнов не работал в спецслужбах, иначе бы он, автор сценария «Семнадцати мгновений весны», «нарисовал» бы другого Штирлица, более похожего на разведчика. Кстати, начальником отдела кадров у нас в «Совершенно секретно» был обаятельнейший человек Богдан Андреевич Дубенский, который в свое время работал (это теперь открытая информация) резидентом в Норвегии и Греции. Мы с ним много и дружески общались и даже писали в соавторстве статьи. Это был веселый, жизнерадостный человек, который всегда находился в хорошем настроении. Вот он точно никак не походил на Штирлица.

А вообще, мне профессия разведчика (шпиона) не очень нравится. Тыходишь в доверие к одним людям, а потом предаешь их ради других. Я бы так не смог. Хотя понимаю, что воевать без разведки невозможно.

2019

ОН

Он был всегда успешен. Деньги прилипали к его рукам, точно мяч к ногам Марио Фернандеса.

2019

ЖИЗНЬ

Пришел. Ушел. Вот и все.

2018

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ЛЮДИ

Ноющие. И поющие.

2019

ДРУГИЕ

Образованные хамы. Научившиеся рифмовать графоманы. Вежливые убийцы. Ничего, ничего — живут здесь и другие люди.

2019

РЕЧЬ

Тише, короче, спокойнее речь человека, набравшего силу.

2019

НИЧЕГО КРОМЕ

Мир-симулякр пытается меня облапошить. Но я-то — теперь! — знаю: ничего кроме любви не имеет значения.

2019

ПОПУЛЯРНЫЙ ПОЭТ

Популярный поэт... Какая неслыханная пошлость!.. Господи спаси и сохрани!

2019

СПАСИ И СОХРАНИ

Вместо поэзии — тексты. Вместо крови — вода. Вместо судьбы — карьера.

2019

БЫКОВ

Быков не перестает меня удивлять. Прежде всего, как политический футуролог. Сначала он говорил, что Россия не будет вводить войска на Украину. Потом он говорил, что Путин не будет поздравлять россиян с 2023 годом.

Предсказания не сбылись.

Теперь Быков решил удивить мир своими познаниями в области спорта и назвал Пеле представителем аргентинского и латиноамериканского футбола...

Хотя каждый школьник, наверное, знает, что Пеле — бразилец. То есть, конечно, латиноамериканец, но уж точно не аргентинец.

Меня восхищает уверенность, с которой Дмитрий Львович изрекает свои суждения. Ни тени сомнения, что он истина в конечной инстанции. Удивительный человек.

2023

СПАСИБО

Лучшие в мире родители дали мне жизнь. Требовательные тренеры воспитывали мой характер. Великие поэты читали мои стихи, разбирали их, давали мне, бывшему боксеру, советы. Прекрасные женщины разных континентов дарили свою любовь. Красавица-жена продлила род. Благородные друзья помогали в трудный час и радовались моим скромным успехам. Злобные враги научили не обращать на них внимания и делать свое дело. Слепая пуля пролетела мимо в горячих перестрелочных точках. Красивые страны и города давали приют. Лучшие журналы предоставляли свои страницы для моих эссеисов. Выдающиеся педагоги приобщили к науке.

Я говорю спасибо.

Я надеюсь, что много хорошего у меня еще впереди.

2019

НАШИ ТРАДИЦИИ

РУССКИЙ СВЯТОЧНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

Русские Святки — череда зимних праздников от Рождества Христова до Крещения Господня — художественно воплотились в святочной литературе — особого рода поэзии и прозе. После дивной повести Н. В. Гоголя **«Ночь перед Рождеством»** (1831) святочная словесность получила второе рождение в творчестве Н. С. Лескова. Писатель справедливо отмечал: «У нас не было хороших рождественских рассказов с Гоголя до "Зап.<ечатленного>Ангела". С "Запеч<атленного> Ангела" они опять пошли в моду»¹.

Таким образом, в последней трети XIX века стала возрождаться и развиваться традиция своеобразного святочного пласта русской литературы. Жанр святочного рассказа получил громадное распространение и пользовался неизменной популярностью у самых широких слоев читающей публики. Лучшие образцы жанра были созданы великими русскими художниками слова — Гоголем, Лесковым, Достоевским, Салтыковым-Щедриным, Чеховым, Короленко. С развитием периодики, появлением множества новых печатных изданий разрасталась и так называемая массовая святочная беллетристика. Ежегодно все российские газеты и журналы помещали обилие святочных материалов — пестрый рождественско-новогодний калейдоскоп.

Например, ежедневная газета А. С. Суворина **«Новое время»**, в которой долгое время сотрудничал Лесков, включала в неизменный набор святочных тем объявления о новогодних выставках, сообщения о елках и маскарадах, заметки этнографического характера о праздновании Святки у разных народов, стихотворения и рисунки на рождественскую тему и непременно два-три святочных рассказа.

На страницах «Нового времени» впервые увидел свет **«Белый орел. Святочный рассказ»** (1880) — одно из самых загадочных произведений Лескова. Здесь же в 1882 году был опубликован лесковский рассказ-курьез **«Рождественская ночь в вагоне (Путешествие с нигилистом)»**, оказавший влияние на художественные поиски А. П. Чехова — в те годы молодого сотрудника журналов **«Осколки»** и **«Зритель»**.

Представляют интерес святочные выпуски журнала **«Зритель»** 1883 года, почти целиком заполненные святочными «вещицами» Чехова. Среди этих миниатюр забавная зарисовка из мещанского быта **«Мошенники поневоле»**, которую автор снабдил иронически-выразительным подза-

головком **«новогодняя побрехушка»**; новогодний «психологический этюд» **«Пережитое»**; «подновогодние картинки» **«Гадальщики и гадальщицы»** («Зритель», 1883, № 1); святочный **«фантастический рассказ»** **«Кривое зеркало»**, «юмореска» **«Ряженые»** («Зритель», 1883, № 2). Уже одни подзаголовки демонстрируют неистощимую жанровую изобретательность молодого автора, его стремление разнообразить привычный и, возможно, приевшийся читателю канонический святочный рассказ. Новаторское творчество Чехова в традиционном жанре, так же, как и Лескова, — в ряду многих счастливых исключений.

Как уже было отмечено, святочная словесность в ее газетно-журнальном варианте ставилась на поток, повторяла из года в год один и тот же набор отработанных тем. Обычно журнальный год характеризовался типичным сезонно-бытовым круговоротом: «журнал приспособляет свою тематику к сезонам, к временам года, к большим религиозно-быто-

вым праздникам и к некоторым типичным бытовым явлениям <...> Таковы темы: осень со свадьбами, с началом театрального сезона <...>; зима со Святками, Новым годом, тем же театральным сезоном, Великим постом и масленицей; затем весна с Пасхой и, наконец, лето с дачами, жениховством, "дачными мужьями" и всякими злоключениями»².

Святочные номера массовых журналов полностью приспособляются к календарному заданию. Они полны обрядовых и кулинарных тем: «Юмористически препарированный здесь соблазнительно блещет рождественский гусь с поросенком во товарищах, размашисто гуляют ряженые, и неистребимо, еще с пушкинских времен, процветают девичьи гадания»³.

Одним из авторов, не без удовольствия разрабатывавших гастрономическую праздничную тему, был редактор журнала **«Осколки»** Н. А. Лейкин. В его рассказах во всех подробностях смакуются кулинарные особенности рождественского стола, живописуется праздничный натюрморт: «Рождественский Сочельник. Мясики царствуют <...> Герой дня — пудовый окорок ветчины <...> Умиляющий душу предмет — младенец свинячьего рода — поросенок»⁴ и т. п. От этой «вкусной» картинке веет дурновкусием, каким-то вымученным юмором нехорошего тона. Прав был литературный критик Н. Ладожский (В. К. Петерсен), когда, сопоставляя молодого Чехова и Лейкина, определил юмор последнего как «однообразно-шаблонный»⁵.

Нередко в «иронически-продовольственных» заметках **«Осколков»** проскальзывали намеки социального характера: «что всего более вызвало удивления, так это мороженые бараны, у которых замечено особое строение черепов, вполне тождественное со строением черепов многих представителей нашей золоченой молодежи»⁶. Рубрика **«Осколочки»** сообщала: «К предстоящим рождественским праздникам многие бедные обыватели занялись усиленно охотой на воробьев, из которых в лавках делают рябчиков»⁷.

Встречается в **«Осколках»** и нечто подобное современным комиксам — серии забавных рисованных сюжетов на святочную тему и подписей к ним: **«Праздник в провинции»**, **«Праздничная страничка»**, **«Праздничная панорама»**. Чаше всего это буффонада, игра, профанация праздника.

Так, например, одна из нарисованных сценок изображает обычное рождественское застолье с необычным блюдом: вместо традиционного жареного гуся — гусь бутафорский. Недоумевающему гостю поясняют: «знаете, на Рождестве без гуся, как и без праздника <...>, а поешь — желудок испортишь... Так вот мы и придумали бутафорского гуся на стол подавать: и гусь есть, и в то же время желудка не расстроишь»⁸.

К «меню» из области «смешной гастрономии» добавлялось следующее непереносимое на страницах юмористической прессы «блюдо». Как приправа к «вкусенькому» подавалось **«страшенькое»**. Это рассказы о «разных непонятных, странных и необъяснимых случаях, которые легко могут быть признаны за так называемые сверхъестественные, где ожидается или предполагается действие над нашей жизнью высших нематериальных сил»⁹, — так писал И. Богучаров в рассказе **«Фаина»**, который может послужить образчиком этой разновидности святочного жанра. Такого же рода произведения соседствуют с **«Фаиной»** в рождественском номере газеты **«Новое время»** от 25 декабря 1880-го года: **«Странный случай»** за подписью «Вячеслав»; **«На жизнь и смерть. Рождественская загадка»** А. Бобровского; почти детективная история-головоломка с таинственной пропажей браслета, видениями и галлюцинациями, перемешанными с реальностью. В этом же ряду **«Видение Ермолова. Орывок»** А. В. Фигнера с оправданием «дивного предсказания» событий всей жизни, которое сделал генералу Ермолову в Италии «таинственный незнакомец». По тематике этот «отрывок» сходен с «историческими святочными рассказами». Таков рассказ Н. П. Вагнера **«Любка»**, опубликованный в том же **«Новом времени»** два года спустя под

Картина Константина Маковского «Святочные гадания», 1890

псевдонимом Кот-Мурлыка, а также более поздний рассказ Г. Т. Полилова **«Видение в Эрмитажном замке»**, которые еще интересны бытовыми зарисовками жизни знати и придворного круга XVIII столетия. В рождественский Сочельник героям всех этих рассказов являются выходцы с того света, чтобы «открыть неведомое, ту сумрачную даль будущего, проникнуть взорами в которую так стремятся, хотя и бесплодно, все смертные»¹⁰.

Параллельно возникает множество пародий и литературных насмешек над «страшными» святочными рассказами. Серия «комиксов» на обложке **«Осколков»** носит название «Святочные рассказы». На одном из рисунков показана спальня. На прикроватном столике газета с крупным заголовком **«Святочный рассказ»**. Дама в negligee со свечой в руке заглядывает под кровать: «— Нет, положительно, у меня кто-то под кроватью все шевелится. Так начиталась страшных святочных рассказов в газетах, что, наверное, теперь не заснуть всю ночь!..»¹¹

Автор «Осколков» под псевдонимом Дон Базилио в рубрике **«Праздничные осколочки»** так изображает «праздничного рассказчика»:

«— Ну что, Уточкин, написал святочный рассказ?

— Написал.

— Страшный?

— Да такой, брат, страшный, что если дама в интересном положении читать его начнет, так тут же, за рассказом, и разрешится»¹².

Псевдоним Do-re-mi-sol поместил в «Осколках» стихотворную пародию на «страшный» святочный рассказ — «Привиденья» — на тему амурных дел в мире призраков¹³.

Одна из непереносимых тем на Святки — о «визитной повинности» в предпраздничные дни — в стихотворении **«Визитер»**:

Визиты, визиты,
В течение дня!..
Извозчик, вези ты
На Мойку меня!

С любезною миной,
Облекшись во фрак,
В сто первой гостиной
Сижу, как дурак.

Запас комплиментов
Рассыпать успел
И на сто процентов
Я в день поглупел!¹⁴

А вот на ту же тему **«Старая история... на новый лад»**:

«— Извозчик!

— Куда прикажете?

— <...> Что за черт! До того умаялся с визитами, что даже позабыл, где сам живу!.. Вези меня в адресный стол, там справлюсь...»¹⁵

Герой рассказа Лейкина **«В департаменте»** мелкий чиновник с фамилией-визиткой Каракулев, заматавшийся в предпраздничной суете, по ошибке отнес директору департамента вместо требуемых документов составленный женой список продовольственных покупок.

Объектом высмеивания в рассказе Лейкина **«В Рождество»** становится богатый купец Оголовков, который

Окончание на стр. 8

головком **«новогодняя побрехушка»**; новогодний «психологический этюд» **«Пережитое»**; «подновогодние картинки» **«Гадальщики и гадальщицы»** («Зритель», 1883, № 1); святочный **«фантастический рассказ»** **«Кривое зеркало»**, «юмореска» **«Ряженые»** («Зритель», 1883, № 2). Уже одни подзаголовки демонстрируют неистощимую жанровую изобретательность молодого автора, его стремление разнообразить привычный и, возможно, приевшийся читателю канонический святочный рассказ. Новаторское творчество Чехова в традиционном жанре, так же, как и Лескова, — в ряду многих счастливых исключений.

Как уже было отмечено, святочная словесность в ее газетно-журнальном варианте ставилась на поток, повторяла из года в год один и тот же набор отработанных тем. Обычно журнальный год характеризовался типичным сезонно-бытовым круговоротом: «журнал приспособляет свою тематику к сезонам, к временам года, к большим религиозно-быто-

НАШИ ТРАДИЦИИ

РУССКИЙ СВЯТОЧНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

Окончание. Начало на стр. 7

по традиции должен потчевать гостей-поздравителей, однако каждому выговаривает, сколько стоит вся заготовленная им снедь: «Рубль восемь гривен икра-то эта <...> Не вас, по-настоящему, и кормить икрой-то этой. Ведь вы все равно не прочувствуете»¹⁶.

Эти и подобные им рассказы Лейкина представляют собой маленькие бытовые сценки, зарисовки с натуры. Такова была его писательская позиция: «Острый глаз Лейкина много подмечал в окружающей действительности, но из сценки изгонялись воображение, фантазия, лиризм — все то, что могло превратить картинку с натуры в произведения искусства»¹⁷.

То, что главный редактор «Осколков» ограничивал себя копированием жизни в юмористическом духе и не более, особенно заметно на фоне творчества молодого автора его журнала Чехова. С проницательностью опытного редактора Лейкин сразу же высоко оценил своего талантливого сотрудника, сознавая, что своим успехом у читателей «Осколки»

есть тема чиновничьей службы. Старый Год выглядит смущенным дряхлым подчиненным, не выполнившим своих обязательств, не справившимся со служебными заданиями и обязанностями, на своем последнем, предсмертном докладе перед молодым энергичным начальником:

Ночь была. На звездном небе
Лунный серп катился сиром;
Старый Год стоял с портфелем
Возле врат отверстых мира.
<...>
Вдруг куранты заиграли.
Грянул выстрел с бастиона,
Новый Год — красивый отрок
Спешно вышел из вагона.

Устремясь к нему навстречу,
Старичок прощамкал скучно:
«Ваша милость, все на свете
Обстоит благополучно».

Глухо кашлянул два раза,
Постоял в смущенной позе
И серебряною пылью
Мигом сгинул на морозе¹⁹.

Так, еще одна популярная тема Святки, благополучно дожившая до наших дней в детских рассказах и новогодних открытках, — антропоморфное изображение Старого и Нового года. По традиции, уходящий год — глубокий старик, Дед Мороз, передающий правление миром мальчику-внуку. Однако философское пушкинское начало — светлое и без капли горечи:

Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас! —

берет верх далеко не всегда. Все чаще звучат мотивы грусти, тоски, несбывшихся надежд, отсутствие упований. Старый год оставляет после себя одни разочарования, Новый — сулит несбыточные надежды.

В стихотворении «Встреча» за подписью В. Шуф показано свидание необычных любовников — Нового года и Надежды. Но возлюбленный здесь — это обманщик-соблазнитель:

<...> Сердцу верится, как прежде...
Но, как Старый, в свой черед
Новый год солжет Надежде,
И обманет, и уйдет²⁰.

Поэтому неудивительно, что в юмористической периодике конца XIX века и Старый, и Новый годы выступают обвиняемыми, подсудимыми. В юморесках часто используется юридическая терминология. Например, «Три документа о 1883 годе: I. Обвинительный акт. II. Гражданский иск. III. Приговор суда истории»²¹.

В том же ключе Чехов составил «Завещание старого, 1883 года» и «Контракт 1884 года с человечеством»: «Тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года, января 1 дня, мы, нижеподписавшиеся, Человечество, с одной стороны, и Новый 1884 год — с другой, заключили между собой договор, по которому:

1). Я, Человечество, обязуюсь встретить и проводить Новый, 1884 год с шампанским, визитами, скандалами и протоколами.

2). Обязуюсь назвать его именем все имеющиеся на Земном шаре календари.

3). Обязуюсь возлагать на него великие надежды.

4). Я, Новый, 1884 год, обязуюсь не оправдать этих надежд <...>

Нотариус: Человек без селезенки. М. П.» (С 2, 306).

Уходящий год может изображаться тяжело больным умирающим старцем, и тогда появляются юморески с преобладанием медицинских терминов. Вот как выглядит «Боленичный» «Скорбный лист старого года»:

«Время поступления больного? 1 января 1894 года.

Откуда прибыл? Из тьмы времен.

Болезнь? Прострация.

Лекарства? Благие намерения и благие порывы.

Были ли операции? Было несколько очень крупных финансовых.

Срок болезни? 365 дней.

Выписался или умер? Умер скоропостижно от разрыва терпения.

Верно: Урсус.»²²

во многом обязаны Антоше Чехонте. «Что Вам робеть? Вы писатель опытный и уже давно набили руку, — писал Лейкин двадцатитрехлетнему Чехову. — У Вас литературное чутье»¹⁸.

Так, например, веселое зубоскальство на тему визитов и поздравлений под пером Антоши Чехонте в его «святочных вещах» о забитом чиновнике «Пережитое», «Либерал», «Восклицательный знак» и др. превращалось в глубокое исследование жизни — социальное и психологическое.

Неслучайно своему рассказу «Пережитое» в новогоднем номере «Зрителя» за 1883 год молодой писатель дает подзаголовок «психологический этюд». Чиновники подобострастно столпились в приемной начальника, чтобы угодливо засвидетельствовать свое почтение в поздравительном листе. Рассказчик не узнает подписей своих сослуживцев: «Не переменили ли эти господа свои почерки?» Но нет, они только боятся проявить «недопустимое вольнодумство», «неуважение, так сказать»: «О лицемерие! О двуличие! Где вы, росчерки, подчерки, закорючки и хвостики? Все буквы ровненькие, кругленькие, гладенькие» (С 1, 468).

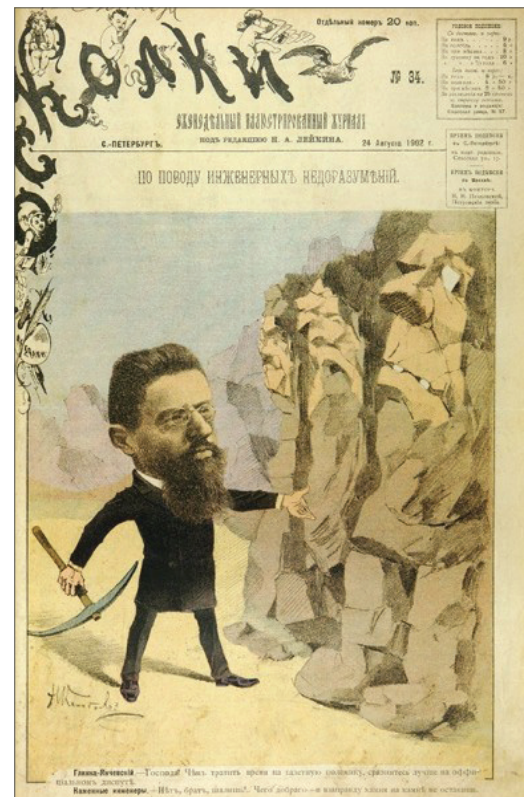
И тот, кто стремился «выдавливаться из себя по капле раба», вдруг заражается массовым вирусом раболепного страха и подхалимства: «Я осторожно умокнул перо в чернильницу, неизвестно чего ради сконфузился, притаил дыхание и осторожно начертал свою фамилию» (С 1, 468).

Для столь выразительного психологического рисунка боязливого поведения, самоуничижения есть основания. Размашистая или неаккуратная подпись может быть принята вышестоящим чиновником за неуважение к его особе, за отсутствие должного чинопочитания и даже за вольнодумство. И тогда — конец карьере; прощай, служба!

Рассказчик слышит у самого уха зловещий шепот: «Хочешь я тебя погублю? <...> Возьму около твоей фамилии поставлю закорючку. Росчерк сделаю <...> Или капну чернилами около твоей подписи. Кляксу сделаю. Хочешь? <...> Пошутил... А все-таки могу... Помни...» (С 1, 468–469).

Как всегда у Чехова, юмор смешивается с грустью от несовершенства «социальной» жизни: «Как мало нужно для того, чтобы скверно жить человеку!» (С 1, 469)

В универсальном мотиве новогоднего времени могут звучать социальные ноты, и, как один из вариантов, обыгрыва-

Подобный взгляд на будущее в преддверии Нового года высказывал молодой Чехов: «Все старо, все надоело и ждать нечего <...> Каналы останутся каналами, барышники останутся барышниками. Кто брал взятки, тот и в этом году не будет против благодарности...»²³

И все же для Чехова Святки оставались «поэтическим праздником», «самым красивым временем года» (П 3, 102). Многие чеховские святочные рассказы, как и произведения других великих русских писателей, будили ум и сердце читателей, становились превосходным душеполезным чтением не только на Святки, но в любое время года.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор,
член Союза писателей России (Москва),
историк литературы

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956–1958. — Т. XI. — С. 406.
2. Мышковская Л. М. Чехов и юмористические журналы 80-х годов. — М.: Моск. рабочий, 1929. — С. 52.
3. Там же. — С. 55.
4. Лейкин Н. А. Рождественские рассказы. — СПб., 1901. — С. 10.
5. См.: Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1974–1988. — Соч. — Т. 2. — С. 475. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
6. Урсус. Подвоз мороженых продуктов // Осколки. — 1895. — 9 декабря. — № 50. — С. 6.
7. Свифт. Петербургское эхо // Осколки. — 1895. — 23 декабря. — № 52. — С. 5.
8. Там же. — С. 2.
9. Богучаров И. Фаина // Новое время. — 1880. — № 1735. — 25 декабря. — С. 2–4.

10. Полилов Г. Т. Видение в Эрмитажном замке // Нива. — 1909. — № 51. — С. 900–903.
11. Осколки. — 1895. — № 52. — 23 декабря.
12. Дон Базилио. Праздничный рассказчик // Там же. — С. 6.
13. Do-re-mi-sol. Привиденья // Там же. — С. 5.
14. Do-re-mi-sol. Визитер // Осколки. — 1895. — № 1. — 1 января. — С. 5.
15. И. Грэк. Старая история... на новый лад // Там же.
16. Лейкин Н. А. Рождественские рассказы. — СПб., 1901. — С. 70.
17. Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. — М.: МГУ, 1989. — С. 22.
18. Цит. по: Мышковская Л. М. Указ. соч. — С. 9.
19. И. Марс. Сдача // Там же. — С. 3.
20. Шуф В. Встреча // Осколки. — 1895. — № 1. — 1 января. — С. 4.
21. Осколки. — 1884. — 7 января. — № 1. — С. 6.
22. Осколки. — 1895. — 1 января. — № 1. — С. 6.
23. Осколки. — 1884. — № 1.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ОБЗОР ГАЗЕТЫ «ПОЭТОГРАД», № 12, 2022

Снег идет.

Елки дарят вариант детского счастья.

Снег идет; снег лучше смерти, которая, скажем, проглядывает из каждого стихотворения **Лорки**; а **Владимир Соколов**, русский классик, снег включал практически в каждое стихотворение, словно заговаривая смерть.

Замечательные снежинки касаются чела последнего за 2022 год номера «Поэтограда»: эстетическое оформление газеты дарит радость.

Сухо, строго, точно, ярко открывается номер стихотворением **Елены Павловой**:

У каждого сезона
Свой символ
У весны — надежда
У лета — беспечность
У осени — принятие
У зимы — бесконечность

Скупость средств — щедрость мысли; и каждый вдумчивый читатель, соприкасаясь с поэтическим движением-перлом поэта, непроизвольно построит параллель с собственной жизнью, опытом бытования в недрах вечного вращения юлы юдоли...

Евгений Степанов — отец-основатель газеты, как и множества других изданий — обращается к читателям с новогодним поздравлением, и делает это художественно, как предельно выразительна вся словесная деятельность поэта, буквально растворяющего свою жизнь в слове и знаке.

Тяжелый звук **Владимира Алейникова** загудит органом: феноменальным органом поэтической правды, странно

и причудливо переходящим и в серебряный клавесин, и в апрельскую свирель:

Покуда нет еще причин,
И надвигается нелепость
Рыбачих взмысленных путин
На Петропавловскую крепость,
Хоть видит око, зуб неймет
И нет покоя Атлантидам,
Кому, скажи, на ум придет
Внушить мигрень кариатидам?

Алейников парадоксален; будто вне земной логики вершащиеся стихи поражают именно этим зигзагом: отказом от земной логики в пользу логики поэтической, может быть, самой высшей, что дана человеку.

...Ибо поэтическое слово (сколь ни будь современный мир равнодушен к оному) есть прорастание в сферы, не имеющие смерти, и настолько прекрасные, что каждый вопрос является и ответом...

Вспыхнет поэтический «Пунктир» Евгения Степанова: краткие, мускульно-выверенные прозаические миниатюры, в сущности являющиеся стихотворениями в прозе:

Ока невидимого ока.

Точно течет Ока...

Открывается третье око...

Интересен мудрый стоицизм, демонстрируемый поэтом, изучившим горе насквозь: до прожилка, поэтому:

Никаких разлук навечно нет. Рано или поздно все встретится. Поэтому надо сохранять спокойствие.

Вечно работающий дворец мозга нуждается в постоянных нагрузках, посему литературный кроссворд, завершающий номер, логично дает пищу оному переусложненному устройству...

Новый год.

Надежда!

Снежинки падают; и каждая — такой перл природы, что... остается только читать «Поэтоград».

ОБЗОР ЖУРНАЛА «ЗИНЗИВЕР», № 6, 2022

Поэт словно пробует поэтическую почву, готовя... полет произведения, и образ Икара, возникающий в действительности, необходим:

Надменно сплюнув на перрон,
Икар вошел. Уже
начало есть, Икар. (И он
нащупывал сюжет.)

Все есть, и красная строка,
и рельсовый мотив.
И эта «Красная стрела»
летит, Икар, летит.

Поэзия **Евгения Антипова** интересно переплетает исторические волокна с мускульными нитями современности, и тугое натяжение строк резко мерцает множеством смыслов:

Песчинки под ногой пищат,
среди бедных фонарей
влачит в ночи свою печаль,
какой-нибудь фан Рейн.

Он ищет ключ, сейчас, сейчас...
Как мало в доме книг.
Не разгорается свеча,
он что-то там бубнит.

Образы выпуклы — словно Рембрандт входит не в дом, но... в страницы современности, в листы 6 номера журнала «Зинзивер».

Очаровательный, воистину волшебный кот **Юлии Медведевой** словно совмещает черты и Чеширского, и кота **Шрёдингера**, и, вступая в разговор с хозяином, становится сюрреалистом:

— Чем я не елка? —
спрашивает кот. — Я даже лучше.
И лапу свою простирает с колючками.

— Посмотри, я пушист, я строен
и даже словно
припорошен снегом.
Ну куда тебе дурынду эту,
шариками обвешенную,
когда я — серебристый и нежный.

Причудлив рисунок стиха — словно свидетельствует о сложности мира, всегда щедрого на открытия. Фантастический элемент вспыхивает внутри стихотворения, иначе реальность была бы слишком косной:

Был он добрый, недвуликий,
был застенчив он и мил,
лошадей кормил клубникой
и шампанским их поил.
А потом, вцепившись в гривы
и припав к гнедым бокам,
окрыленный и счастливый,
устремлялся к облакам
слушать ангелов распевки...

Ярко вписывается в действительность строительство дома, воспетое **Николаем Архангельским**:

Красиво строят деревянный дом
Пустая плоть небес через стропила
Ажурный брус каркаса как ветрило
Дырявое без пола и настила
Не названное до поры жильем
Здесь будет дом уюта и тепла...

И действительно — от стихов поэта исходит тепло, столь необходимое в мире, продуваемом онтологическим ветром.

...Тугая гроздь цикла стихотворений **Дмитрия Тюпы** показывает внутреннее устройство человека — усложненное, с разными ассоциациями, вспыхивающими яркими цветами смыслов:

Многое выдержал, выстрадал многое,
Выполнил план до последнего дня.
Неизлечимое членистоногое
Зреет во мне, пожирая меня.

Вы, плоскогрудые, вы, узкобедрые,
Анорексичные девы мои,
Донорской кровью поил я вас ведрами,
Вам умирать у иссякшей струи.

Владимир Бояринов, к великому сожалению, недавно ушедший от нас, успел интересно написать об **Александре Крючковой**, чья поэзия раскрывается яркой суммой образов; **Алла Новикова-Строганова** размышляет о **Василии Белове**, чей юбилей праздновался в 2022 году.

«Зинзивер» плотно насыщен поэтическими красками, и вдумчивый читатель всегда найдет здесь материалы по сердцу.

Александр БАЛТИН

РЕКЛАМА

книги
газеты
журналы
интернет-издания
блоги

литературный портал и магазин современной литературы и периодики

КНИЖНО-ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ИНТЕРВЬЮ

Дебютный роман **Павла Манылова** «Папа» — это и захватывающий исторический экскурс в двухтысячные, и семейная драма, и даже «производственный» боевик. Как удалось объединить эти жанры, и насколько они синхронны нашей реальности — об этом и состоялся разговор с автором книги.

ПАВЕЛ МАНЫЛОВ: «ПО БОЛЬШОМУ СЧЕТУ МЫ НУЖНЫ ТОЛЬКО САМЫМ БЛИЗКИМ...»

— Тема, поднятая в вашем романе, кажется вполне раскрытой, ведь проблему «отцов и детей» вы решаете по-новому, и с этим вас как дебютанта большой формы можно поздравить. А у вас самого случались подобные семейные конфликты? Или история, рассказанная в романе, полностью выдумана?

— Сама история, конечно, выдуманная. Но сцены, персонажи и многие события, так или иначе, взяты мной из окружающей жизни. Что касается отношений с моим отцом, то, действительно, арка их изменений послужила основной идеей романа. Когда-то я, также как главный герой моего романа, во многом не понимал своего отца. А он просто любил меня и продолжал делать свое дело. Сейчас это человек, которым я безмерно горжусь. Весь Ижевск знает моего отца как человека, который за 40 лет своей работы спас или вытащил с того света тысячи людей. Он, как и Костин отец в романе, всю свою жизнь служил врачом-кардиологом на «скорой помощи» Ижевска.

— Главный герой вашего романа, пятикурсник Костя Счастливцев, втайне презирает своего отца, врача «скорой помощи», живущего честно, по-старинке. В финале же его отношение меняется. Как по-вашему, можно ли избежать подобных конфликтов, или они неизбежны для современного героя?

— Если дети не задавлены авторитетом родителей, если свободны и имеют право в семье высказывать свое мнение, то конфликты неизбежны. Но я вижу в этом положительные стороны. И отцы, и дети проходят свои пути, свои переживания, меняются, открывают благодаря этим конфликтам что-то новое в себе. И если в семье есть любовь, традиции, как это всегда было в моем случае, то рано или поздно «отцы и дети» придут к общему пониманию.

— Ваш роман отличается быстрым развитием сюжета и кинематографическими эффектами. Чего стоят хотя бы сцены в тюремной камере или захват спецназом местного завода... Это авторский прием или вы считаете, что на серьезные темы сегодня можно говорить только в подобном, динамичном ключе?

— Здесь я бы отметил два момента, которые повлияли именно на стиль написания. Первый момент связан с тем, что незадолго до того как начать писать роман, я закончил две сценарные школы. Обучение, безусловно, наложило отпечаток на стиль. Я стал больше писать сценами, нежели фило-

софствовать на страницах. Стал больше показывать, а не рассказывать.

И второе: я считаю, что гениальное произведение в равной степени должно содержать и глубину смыслов, и интересную форму. Я не очень люблю архаус. Точно так же, как поверхностные боевики или мелодрамы. Но если книга или фильм получается интересным по форме и имеет глубокие, многослойные, трогающие сердце смыслы, то произведение считается гениальным, и его смотрят миллионы людей.

Когда я писал, то говорил друзьям, что у меня нет цели написать гениальный роман. Но есть цель написать интересный.

— Ввязавшись в сомнительную историю, главный герой вашего романа не представляет, через какие соблазны и риски ему придется пройти в его стартовом бизнесе. И, если бы не отец Кости, неизвестно, чем бы все закончилось... Случались ли у вас такие ситуации? И кто вам помогал при этом?

— Я могу лишь вспомнить один из самых неприятных эпизодов в своей жизни. Лет двадцать назад в Ижевске я занимался табачным бизнесом. У меня была большая сеть розничных торговых точек. Случилась некоторая неудача, и я стал должен крупную сумму денег. Родители мне помочь не могли, так как сумма долга соответствовала их зарплатам за несколько лет. Я продал все, что у меня было, и получилось 90% от суммы долга. Но отдать нужно было все. И тогда родители продали дачу и заложили нашу квартиру в банк.

Конечно, через какое-то время все наладилось, долг банку я вернул и даже впоследствии купил родителям новую дачу, но тот их поступок для меня бесценен.

Сейчас я могу сказать, что по большому счету мы нужны только самым близким. Только они помогут в самую трудную минуту.

И в этом отношении именно родители всегда стоят на первом месте.

— На кого из литературных персонажей вы ориентировались, описывая историю Кости Счастливцева? Или это реальный персонаж, имеющий прототипа в жизни?

— На литературу при написании романа я не ориентировался. Главной движущей силой были мои личные переживания, мой опыт и некоторая ностальгия по тем временам. Многое вспомнилось. Места, люди, ситуации. Это было интересное время как форма для произведения. Событий было

очень много. Каждый прожитый день был гораздо плотнее событийно. На смыслы в романе, на то, о чем я хотел рассказать, конечно же, повлияли исключительно мои собственные размышления и переживания.

— Герои вашего романа читают Чейза и Ерофеева, слушают Высоцкого и Цоя. А что сформировало ваш вкус, и какие книги повлияли на решение стать писателем?

— Книг было много. Того же Чейза, все его 30 томов, я перечитал еще лет в 14. Наверное, это и было мое первое чтение, которое захватило меня с головой.

Из тех писателей, которых я перечитываю очень часто на протяжении всей жизни, могу выделить Юлиана Семёнова, Ремарка и Булгакова. Мне очень нравится Маркес. И, конечно, русская классика, которая будет актуальна и через 1000 лет.

Решение стать писателем пришло откуда-то изнутри. Просто сел однажды и начал писать. Другие писатели повлияли на стиль, манеру повествования и так далее. Но именно писать я начал под влиянием каких-то своих внутренних изменений.

— Финал «Папы» получился открытым. Ждать ли нам продолжения истории Кости Счастливцева? О чем будет ваша новая книга?

— Новая книга будет тоже о Косте Счастливцеве. Двумя романами я хочу закончить историю этого парня и уже собираю материал для следующих романов. Дальше хочу попробовать написать роман от первого лица и чуть другим стилем. Там будут уже совсем другие герои, но также стоящие перед нелегким выбором.

— Большое спасибо за беседу. И успешной реализации ваших писательских проектов!

Беседу вел Владимир АЛПАТОВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ

ЮБИЛЕЙ АЛЕКСАНДРА БАЛТИНА

Поэт и литературный критик **Александр Балтин** делает для популяризации русской поэзии, на мой взгляд, больше всех. Балтин откликается практически на каждую напечатанную стихотворную подборку и для каждого способного автора находит добрые, точные, ободряющие слова. А для пишущего человека это очень важно. Значит, ты не один, значит, ты кому-то нужен. Без Балтина современный литературный процесс был бы пустыней, безмолвной и равнодушной. Будь моя воля, я бы вручил Александру Балтину медаль Героя труда России. И это, уверяю вас, было бы справедливо, потому что Александр своим вдохновенным и подвижническим трудом поддерживает огромное количество творческих людей, по сути, спасает их. Потому что что-то делать и не получать отклика подобно смерти.

Я рад, что Александр постоянно печатается в моих журналах и газетах «Дети Ра», «Зинзивер», «Литературные известия», «Поэтоград», а также в таких изданиях, как «Наш Современник», «Москва», «Литературная газета», «Литературная Россия» и во многих-многих других.

Александру Балтину пятьдесят пять. Я желаю Александру здоровья, благополучия, неиссякаемой энергии. А сейчас новые стихи поэта.

Евгений СТЕПАНОВ

Александр БАЛТИН КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ

Александр Балтин — поэт, прозаик, эссеист. Родился в 1967 году в Москве. Впервые опубликовался как поэт в 1996 году в журнале «Литературное обозрение», как прозаик — в 2007 году в журнале «Florida» (США). Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая Собрание сочинений в 5 томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Израиля, Эстонии, Ирана, Канады, США. Дважды лауреат международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (США). Лауреат золотой медали творческого клуба «EvilArt». Отмечен наградой Санкт-Петербургского общества Мартина Лютера. Награжден юбилейной медалью портала «Парнас». Номинант премии «Паруса мечты» (Хорватия). Государственный стипендиат Союза писателей Москвы. Почетный сотрудник Финансовой Академии при Правительстве РФ. Стихи переведены на итальянский и польский языки. В 2013 году вышла книга «Вокруг Александра Балтина», посвященная творчеству писателя. Постоянный автор «Литературных известий».

КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ

Критерий истины размыт,
И оттого всем очень худо.
И большинству мешает быт
Увидеть бытие, как чудо...

Александр Балтин

* * *

Ночь отъединяет от сует,
Приближая ощущение смерти,
Равно бесконечности портрет
Чуть приоткрывая массой тверди.

Ночь — органы шаровых высот
И леса космических созвучий.
Звезды изолюют духовный мед
Против тьмы злокозненной, паучьей.

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Книга известного писателя и культуролога **Льва Бердникова** попала ко мне в руки в разгар новогодних «каникул», и это время как нельзя лучше располагает к размышлениям. История России, какой она подается в средних учебных заведениях, выглядит удивительно однобокой: войны да коронации, а на культуру и быт народов России определенного исторического периода отводится в лучшем случае один-два урока. Притом в бытность мою школьную незнание, в каком году взойшел на престол тот или иной правитель каралось существенным понижением оценки. Особенности же обычаев и религиозных верований народов нашего многонационального государства проходило словно «по касательной», отдаваясь на откуп региональным преподавателям краеведения. В итоге мы более-менее умеем отличать Иоанна Грозного от Петра Великого, но подчасую понятия не имеем, как складывались отношения царей со своими подданными.

Это «слепое пятно» тщательно исследует Лев Бердников, раскрывая как характеры российских самодержцев, так и особенности существования тех, кому выпало по судьбе испытать на себе то крутой нрав одного, то идейный антисемитизм другого... Забегая вперед, скажу: при любой эпохе евреям жилось трудно. Почему так происходило, автор объясняет подробно и неустанно, при этом пользуясь приемами публицистического и научного языка. Однако мы то и дело ловим себя на мысли, что читаем хороший рассказ: логика авторского изложения подсвечивается вполне понятными эмоциями, которые безошибочно считываются читателем.

Исторический очерк — жанр, тяготеющий к «преобладанию чистого факта», несмотря на его близость к художественным жанрам. Он идеально подходит для той темы, которую развивает автор. Скажем так, темы непростой и специфической. Отношения евреев и русских были достаточно сложными в течение всей истории, а это вынуждает автора аргументированно подкреплять ссылками почти каждый приведенный в книге факт (список основной литературы, досконально изученной автором, прилагается и занимает несколько страниц машинописного текста). Представляя и анализируя реальные факты прошлого, автор охватывает огромный период истории государства Российского: от Ивана III до последнего самодержца, Николая II. От царя к царю, из века в век...

Вот, например, Пётр I. Из фильмов и книг мы знаем, что этот царь отличался крутым нравом. Логично предположить, что инородцам при таком темпераментном правителе жилось не сладко: он и своим-то боярам бороды рубил... Однако не все так однозначно. Вот какие факты приводит автор: «Известно, что в 1708 году во время пребывания в Мстиславле Пётр посетил городскую синагогу, интересовался вопросами веры и долго расспрашивал о житье-бытье местных иудеев. Когда же узнал от них, что его русские солдаты мародерствуют и чинят насилие, приказал вздернуть на виселицу 13 виновных». Не правда ли, интересный факт? Кроме того, Лев Бердников заостряет внимание на стремлении первого Императора Всероссийского о своих подчиненных судить не по национальному признаку, а о той пользе, которую данный человек способен принести государству и обществу: «В чем великий реформатор был действительно революционером — он впервые в истории России ввел в высшие коридоры российской власти значительную группу крещеных евреев. При Петре число выкrestов во власти столь возросло, что количество переходит в качество. И в этом может быть усмотрена и смелость, и широта мышления великого реформато-

Лев Бердников

Цари и евреи

От Ивана III до Николая II. / Очерки

М.: «Вест-Консалтинг», 2022

ра, впрочем, согласные с его программной установкой выдвигать человека "по годности", а не по происхождению». И это в те времена, когда и слухом не слыхивали о «толерантности». Человек познается по делам. Будучи прагматиком, Пётр Алексеевич прекрасно понимал: если дело доходит до вопроса «Что лично ты сделал для процветания страны?», национальность не имеет значения.

А вот противоположный пример. Екатерина II. Просвещенный абсолютизм. Эпоха преобразований в России. Период правления Екатерины Великой считается одним из самых успешных в русской истории. Он помог укрепиться России в статусе одной из ведущих мировых держав. Казалось бы, женщина, проявившая свой выдающийся ум и энергичный характер во всех областях человеческой деятельности, не нанесет большого вреда еврейскому народу. Однако именно этому историческому периоду российские евреи обязаны своим закрепощением. Очерк о правлении самой знаменитой русской императрицы называется «От равноправия — к черте оседлости». Это печально читать, поскольку мы привыкли считать, что эта государыня ратовала за гражданские права и свободы гражданского населения (что, впрочем, не касалось крепостных крестьян). Лев Бердников констатирует: «Если говорить об отношении Семирамиды Севера к еврейскому племени, то явственно прослеживается ее неукротимое желание примирить, казалось бы, непримиримое: передовые идеи века Просвещения и вытекающие из них эмансипацию и интеграцию этого малого народа в составе многонациональной империи — и заскорую ненависть к нему большинства населения, приправленную вдобавок религиозным антисемитизмом и ксенофобией». Дать однозначную оценку ее правлению сложно: она сделала немало для развития нашей страны, но можно ли считать императрицу образцовым правителем? Одна Крестьянская война Емельяна Пугачёва чего стоит... Невзирая на прогрессивность своих взглядов, царица весьма поспособствовала закрепощению простого народа, причём это касается не только крестьянского сословья.

Ограничение проживания евреев, запрет их расселения во внутренних губерниях еще худо-бедно можно объяснить экономическими соображениями, но этим государыня не ограничилась. Лев Бердников, обращаясь к историческим документам, вынужден свидетельствовать: «Налоговый устав 23 июня 1794 года знаменовал собой начало уже неприкрытого государственного антисемитизма. Еврейских купцов и мещан обязали платить подать вдвое большую, чем христиан тех же сословий. По сути, это было именно наказание за веру. И даже если этот закон был мотивирован экономическими соображениями, он был откровенно дискриминационным по отношению ко всему еврейскому населению (исключение составляли караимы, 8 июня 1795 года налог был с них снят)». Кроме того, еврейский народ со своими традициями, нацеленностью на торговлю, сочетаемую с проживанием преимущественно в селах, с собственной организацией самоуправления категорически не вписывался в имперскую административную систему, то есть в сословное деление.

Впрочем, если простым людям во все времена жилось туго, то тем, кому удалось быть приближенными ко двору, жизнь улыбалась во все тридцать два зуба. Так, например, автор упоминает о милостях Петра Великого по отношению к своему любимцу: «Замечательную роль играл при дворе и любимый шут императора Ян Лакоста, которого Пётр пожаловал потешным титулом самоедского короля и подарил ему остров Соммерс в Финском заливе».

Изучая культуру как социально-историческое явление, Лев Бердников говорит преимущественно о том, что русские евреи претерпели, мягко скажем, немало лишений. Не закончились они и на закате империи, уже в минувшем, XX-м, столетии, что не могло не волновать умных и здравомыслящих политических деятелей. Так, Пётр Аркадьевич Столыпин говорил: «Евреи бросают бомбы. А вы знаете, в каких условиях живут они в Западном крае? Вы видели еврейскую бедноту?.. Я, конечно, погромов не допущу. И в порыве справедливого даже недовольства нельзя забывать неправильность мерить всех на один аршин». Замечательные слова, не правда ли? Они подтверждают присущую Столыпину политическую гибкость. К сожалению, многим преобразованиям этого выдающегося человека не суждено было осуществиться...

Тема русских и российского еврейства сложна и противоречива, и самое главное, — неисчерпаема. Логичное и корректное ее изложение, с опорой на факты, а не на истерические лозунги, уже само по себе является значительным. Огромный интеллектуальный труд Льва Бердникова, наполненный объективными материалами, демонстрирует позитивное отношение к этому народу, понимание их национальных особенностей, важных для них самих. Взаимодействие российских правителей и еврейского народа рассмотрено автором в широком историко-культурном контексте. Это очень серьезная работа, аналогов которой в ближайшее время не предвидится. Как пишет в предисловии к настоящей книге писатель, доктор технических наук Юрий Окунев: «Мне же остается поздравить с появлением этого сборника очерков Льва Бердникова всех тех, кто интересуется, во-первых, государственной политикой России в отношении еврейского народа во времена правления русских царей и, во-вторых, художественными образами как самих царей, так и талантливых евреев в их окружении».

Ольга ЕФИМОВА

Изящество стиха и нежность сказки сплетаются тонкими волокнами, блистая переосмыслением классических источников и интонацией современности, которая завораживает виртуозным поэтическим мастерством:

В самой дальней сторожке
Золушка жарит картошку,
вечный в печке огонь...
Фея берет осторожно
Золушкину ладонь.

Крошка надеждой согрета
тыква вместо кареты,
кони — шестерка мышат.
Где-то на краешке света
бал, и огни дрожат...

Вечная Золушка — и вечная же надежда на крошку счастья, такую золотую...

У Золушки получилось. Жаль, не получается у большинства.

«Сказки в стихах» Людмилы Колодяжной, выпущенные издательством «Вест-Консалтинг», гармоничны и красивы; старинные силуэты выступают из своеобразной дымки времен и, включенные в круг нашей сверхпрагматичной и противостоящей сказкам реальности, играют различными оттенками смыслов:

Людмила Колодяжная

Сказки в стихах,

М.: «Вест-Консалтинг», 2023

Веруешь, иль не веришь,
задуманное случится,
фея-нищенка в двери,
в царский дом постучится.

Веточка, посох дорожный
с просьбой крова и хлеба...
Но тюфяки с горошиной
в келью внесет королева.

«Принцесса на горошине», «Русалочка»...

Андерсен, кажется, благосклонно улыбается, вглядываясь в рифмованные узоры Людмилы Колодяжной.

Маленький принц жемчужно-детски возникнет, прозвучит «Песенка Лиса»:

Но свет твоей звезды в ночи
С души не снимет груза...
Зачем меня ты приручил?
Так кратко слово «Узы».

А я все жду заветный час,
Когда, как сон, награда
Ты приходил со мной молчать.
Я наши чту обряды.

Поэтические сказки Колодяжной, грустные и веселые, заставляющие вновь ощутить детские ленты счастья, умягчают душу.

Александр БАЛТИН

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 20 ЛЕТ.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), «Зарубежные записки» (выходит с 2013 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года),

телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 100 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более 1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), трижды лауреат премии «Московский счет».

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

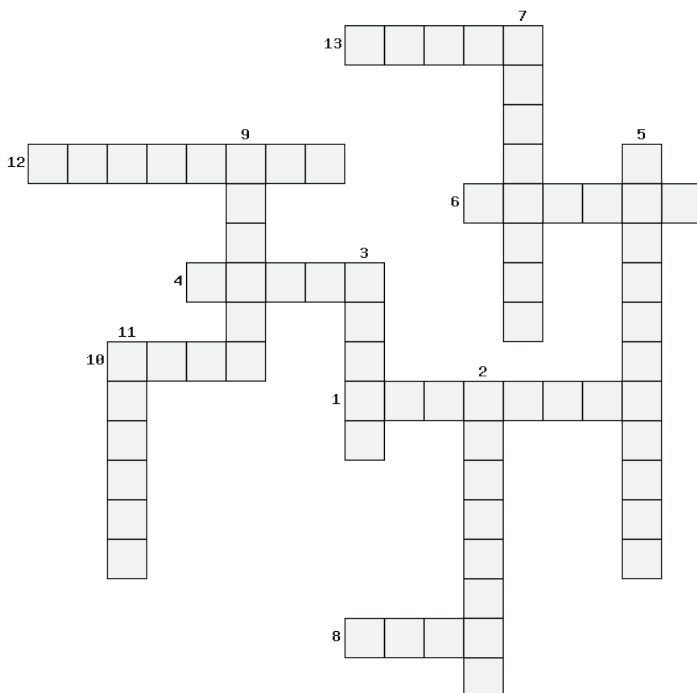
По горизонтали:

1. Автор романа «Отцы и дети».
4. Автор романа «Остров пингвинов».
6. Автор романа «Очарованный странник».
8. Автор романа «Собор Парижской Богоматери».
10. Автор романа «Блестящий мир».
12. Автор романа «Мастер и Маргарита».
13. Автор романа «Пленница».

По вертикали:

2. Автор романа «Обломов».
3. Автор романа «Айвенго».
5. Автор романа «Преступление и наказание».
7. Автор романа «Ярмарка тщеславия».
9. Автор повести «Гранатовый браслет».
11. Автор поэмы «Мертвые души».

Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru), Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com.ru) и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>,
<http://lit-iz.livejournal.com>, <http://www.facebook.com/litizvestia>

E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Константин Кедров,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебзаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

Отпечатано в типографии «Новый взгляд».

394016, г. Воронеж, ул. Славы, д.13 а. Заказ 56. Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528

